

О ВРЕДЕ ПРОФЕССОРОВ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О.А. Донских

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

olegdonskikh@yandex.ru

Шайка – замкнутая группа
с девиантной активностью.

Из словаря

Юмористический очерк представляет деятельность профессоров на фоне истории университета. Их деятельность кардинально изменила жизнь европейцев, а затем и всего человечества. Во-первых, они создали экспериментальную науку; во-вторых, критикуя католическую церковь, они заложили основы капитализма; в-третьих, профессора решили улучшить человеческую природу способом, который ведет к полному исчезновению человечества.

Ключевые слова: университет, профессор, экспериментальная наука, капитализм, улучшение человеческой природы.

Данная статья представляет собой попытку культурной саморефлексии, поскольку автор сам относится к названной социальной группе и вполне осознает свою исчезающе малую, но коллективно ядовитую роль в истории человечества. И часто вспоминает проповедующего во храме с его «кто умножает познание, тот умножает скорбь».

Да, в древнем мире были мудрецы. Они соболезовали человечеству, и их роль была ролью целителей. Они учили людей устремляться мыслью к райскому прошлому. Как Конфуций или Солон. Один очищал имена от наносов ненужных смыслов, возвращая обществу чистоту первоначальных значений, другой стряхивал с современников бремя жадности. Профессора – это другое. Они устремили общество в неизвестное будущее, смело и с радостным удивлением назвав последствия «футуршоком» (само слово придумал Олвин Тоффлер – заслуженный адъюнкт-профессор Университета национальной обороны США).

Понятно, что «профессор» – это не профессия. Когда-то оно просто обозначало любого учащего, учителя, ментора, дидака. Но с появлением в Европе университетов оно в XIII–XIV вв. стало обозначать нечто еще более примитивное (в смысле, по Гегелю, – более абстрактное) – преподаватель университета. Сначала конкретный преподаватель, например, медицины или права, или богословия, а потом вообще. Специалист во всем. Типа умник. И при этом высшей квалификации. Умник высшей квалификации, всеведущий эксперт по своей должности.

Средневековые школяры, они же студенты, в своем гимне «Гаудеамус» прославили своих профессоров: «Виват Академия! Виват профессоре!» (Да здравствует университет! Да здравствуют профессора!) Студенты были пьяные и добрые. Они не предвидели последствий. Они не знали о сетевых структурах, которые создадут профессора, чтобы ловить в них простаков, пополнять свои ряды и экспериментировать с человечеством.

Колыбель профессорства

Профессора изначально были связаны с университетами. Сначала профессора создавали университеты. Приехал правовед Ирнерий в Болонью, и появился Болонский университет. А потом университеты стали создавать профессоров. Понятно, что слово «университет» связано с латинскими словами «универсум» (Вселенная) и «университас» (целостность, корпорация). И сразу хочется думать, что «университет» – это потому что универсальный, вселенский. Потому что преподается все: все науки сразу. (У нас после перестройки даже появилось выражение «классический университет»? – чтобы было не менее 3-специальностей и не менее 10% профессоров. Юмор ситуации в том, что настоящие «классические университеты», те, которые расцвели в Европе, начиная с XII века, готовили по очень ограниченному числу специальностей. Университет в Салерно специализировался на медицине, Болонский – на праве. Парижский – на теологии. А «универсальными» они стали позже благодаря умникам-профессорам. Так вот, первоначально «университет» означал единство студентов и преподавателей. Подобно тому, как «университет» или «корпорация» могли быть образованы ремесленниками, скажем, ювелирами, только тогда они назывались «гильдиями» или «цехами» и объединяли мастеров и подмастеров. Но постепенно добрые и пьяные студенты по молодости и безалаберности упустили вожжи из своих рук, и профессора начали одеваться в более дорогие мантии, торжественно возглавлять колонны своих корпораций во время городских шествий и диктовать условия. И стали благодетельствовать своим, создавая сети. Рука, как говорится, руку моет.

Что же в результате получилось?

Надо честно сказать, что сначала профессора вели себя весьма скромно (за исключением профессоров-врачей, у которых профессия такая, что скромность противопоказана, но и те поначалу много дальше своих клистиров не заглядывали). И занимались профессора проблемами весьма серьезными и поэтому ни к какому практическому делу неприменимыми. Например: как далеко заклинание может отогнать бесов? Или: действительно ли крещение, совершаемое священником, имеющим наложницу? И если нет, то делает ли его действительным неверность этой наложницы? Но бдительные люди уже и тогда видели возможный вред от их деятельности. Вот что писал один монах в XII веке про будущих профессоров: «Они привыкли бродить по миру и посещать все свои города до тех пор, пока многое учение не делает их сумасшедшими; потому что в Париже они учат свободные искусства, в Орлеане – классические, в Салерно – медицину, в Толедо – магию, но нигде не учат этикету и морали». Так пополняли свои ряды доверчивыми студентами первые профессора. И это при том, что первые университеты пытались учить очень практическим специальностям – они готовили врачей, юристов, чиновников и деятелей церкви. Но уже тогда добрые простые головы дурили отменно. Древность (к которой обратились за помощью профессора, чувствуя явную ущербность своих знаний), в лице Аристотеля и других бородатых греческих мудрецов попыталась было в XIII веке обратит познание на правильный путь – знание ради знания и ни в коем случае не ради повседневной пользы. И даже почти получилось. Но...

Есть очень обоснованная гипотеза, что европейский университет – троянский конь

ислама. Во-первых, потому что существует известное сходство между ранними (еще доуниверситетскими) колледжами и монастырскими школами и мусульманскими медресе, которые европейцы знали по Испании и Сицилии. Но это относится к средней школе. А, во-вторых, очень вероятно, что университет, т.е. школу высшую, и вместе с ним профессоров тоже придумали арабы. Не случайно первый университет появился сначала в странах Магриба (известно, что самым старым вузом, причем действующим до настоящего времени, является Карауинский университет в городе Фесе в Марокко, основанный в 859-м году). А широкое распространение университетов в Европе XII–XIII веков было связано с Реконкистой в Испании: на отвоеванных у арабов землях их арабские университеты оказывались на территории христианских государств и по недомыслию не все были своевременно уничтожены. А еще европейцы забрали у арабов образованную Сицилию. А еще во время походов на восток крестоносцы знакомились с арабской культурой. И она им понравилась. Не случайно же жаловались некоторые европейские грамотей, вроде Аделяра Батского, что для того, чтобы их услышали, они вынуждены выдавать свои сочинения за арабские. Так что гипотеза насчет троянского коня вполне правдоподобна. Это означает, что вместо света с Востока Европа восприняла отсюда тьму.

Возникает закономерный вопрос: а как получилось, что саму арабскую культуру университеты не разрушили? Ответ прост: у них был мудрый человек Абу-Хамид Мухаммад ибн-Мухаммад аль-Газали, который остановил это бедствие. Он написал замечательную книгу «Самопровержение философов» и стал суфи, решив, что нужно танцевать и писать стихи, а не мудрствовать

лукаво. И своим авторитетом и увлекательными танцами до потери головы он опроверг философию, а потом под его влиянием изнемогла и профессорская наука с ее темными интенциями.

И еще одно. Некоторые считают, что первым университетом был Константинопольский, основанный якобы в 425 г. и получивший статус университета в 848 г. Но православные сразу понимали, как вредно лелеять университетские традиции и называли его «Пандидактерион» (чтобы не каждый даже догадался, о чем идет речь). Университет был элитным, и его контролировали государство и церковь. Поэтому вредные миазмы отсюда в мир не потекли. Тем более, что кухарок туда не допускали и занимались там не физикой. А вот, например, известно, что в Египте был университет с V по VII века. В его 13 аудиториях (сразу понятно, что не без черта количество аудиторий было выбрано) могли одновременно учиться до 5 тысяч человек. Мудрые византийцы добросовестно угробили это учебное заведение как раз перед тем, как Египет захватили тогда еще не испорченные наукой мусульмане. Пытались уберечь себя и Европу от этого бедствия. Но, как сейчас понятно, тщетно.

Первое дитя – экспериментальная наука

В общем, с арабской помощью или нет, но появились в Европе университеты, а с ними профессора, и последствия не заставили себя ждать. Потому что профессора почти сразу укрепились в гордыне своей автономии и начали проявлять себя не только в университетах и не только в преподавании. А ведь известно, что гордыня – грех смертельный... Чтобы людям мало не показалось, профессора изобрели экспериментальную

науку, чтобы залезть в добрую человеческую жизнь. Уже самые первые профессора, как только они появились, начали подкрадываться к питавшемуся до этого святым духом быку науки, чтобы взять его за рога и начать поить его мутной водой наблюдений и откармливать сеном и соломой экспериментов. Идея у них была такая: до тех пор, пока люди с Богом беседуют и прямо от него на скрижалях заповеди получают, как Моисей, у науки – и, соответственно, у профессоров – шансов на то, чтобы начать хорошо кормиться за счет умничанья, не было. Поэтому надо было, с одной стороны, показать, что разум сам по себе не хуже самой по себе веры, а, с другой стороны, – доказать добрым людям через успехи в повседневном свою нужность, чтобы потом сытно кормиться за счет этих добрых людей.

Здесь опять же нужно пояснить: науку придумали древние греки. Они были бородачами фаталистами, поэтому понимали, что интеллектуальные игры нельзя переносить в природу и в жизнь. Воспитанные полисным духом, они считали, что из всего получать выгоду? – это психология рабская. А рабами (даже отпущенными на пекулий и бессовестно богатеющими) они быть никак не хотели. Греки были уверены, что наука (которая тогда называлась любовью к мудрости – «философией») – занятие мудрецов для понимания мира. Занятие, сам процесс понимания. Поэтому они себе и позволяли чудесные глупости, вроде того, что считали, что движения нет, потому что сколько ни будет гоняться Ахилл за черепахой, все равно не догонит, а если стрелу пустит, стрела все равно никуда не полетит, потому что сначала должна будет пролететь половину того, что ей надо, и так до бесконечности, или что солнце не больше человеческой подошвы и собирается оно каждое утро из искр, или что небесные тела

на самом деле – дырки в небесных ободьях. Больше того, если они видели, что человек пытается приносить пользу, они его от этого занятия отрывали. (Иногда только для развлечения машины для войны для своих делали, чтобы враги не мешали думать.) Так, увидел Демокрит, что юноша очень хорошо увязывает вязанки хвороста, он ему сказал, мол, кончай это дело, пойдем в философы. И появился прекрасный философ Протагор, который понял, что все относительно, что в конечном итоге мнение так называемого мудреца вовсе не лучше мнения так называемого дурака. Можно философствовать, можно этого не делать, – все равно это просто приятное занятие и не больше. В лучшем случае, как считали Сократ и Платон, философия будет учить добродетели и готовить человека к небесной жизни, а являются ли светила раскаленными камнями или нет, – дело десятое. Древние философы не были профессорами, и скромность в Греции не считалась добродетелью. Насколько же философы были тогда наивны: Сократ – древний красавец – считал, что знание делает человека добродетельным – ведь если человек знает, что такое хорошо, он не поступит плохо! Глупость какая! Вот что значит не быть профессором.

Правда, когда римляне греческие полисы захватили, им польза потребовалась. Тогда, уже в начале нашей эры, все вредные зачатки взошли, которые мы позже в Европе наблюдаем. Но профессоров еще тогда не было, поэтому нашлись добрые люди – сожгли рассадники вреда – библиотеки, включая самую большую Александрийскую. При тормозили с прогрессом, но в простоте своей или по доброте душевной не довели дело до конца. Кое-что проросло.

В Оксфорде в первой половине XIII века был профессор Роберт Гроссетест. Мало того, что он был канцлером университета,

так еще и епископом. Прикрывался саном, чтобы добрые люди плохого не подумали. Учебники писал для придворных, для священников и монахов. А в лекциях рассказывал (для отвода глаз, конечно) про Псалтырь, про послания апостола Павла, про книгу Бытия, про пророков – Исайю, Даниила. Даже про Экклезиаста. Но если уж родился в ком-то червь сомнения и вреда ... Даже эти святые тексты не помогли. Хотя в пользу Гроссетеста можно сказать, что он еще задумывался об искуплении и свободе воли, переживал, по-видимому, предчувствуя, к чему приведут грешные игры с наукой.

Так вот, Гроссетест заговорил о том, что для подтверждения истинности какого-то утверждения нужен «контролируемый эксперимент». Недоумие, конечно. Вся прелесть науки настоящей в том, чтобы из общих соображений все устройство мира вывести. Сам-то он, правда, так и делал: занимался небесными сферами, светом и бесконечностью и никаких экспериментов не проводил, – все-таки глубокие занятия серьезными текстами его от этого уберегли. Но камешек в нужный удобренный огород он бросил, и менее тонкие люди этот камешек подняли. Его последователь Роджер Бэкон задал образец экспериментальной науки, занимаясь оптикой. Потом другие в эту брешь ринулись. И пошло – поехало. Оптики, занятой светом Божиим, оказалось мало. Решили, что нужно знать будущее. Стали заниматься астрологией. Тогда же решили, чтобы времени не терять, начать усовершенствовать природу – занялись аль-химией (еще один арабский подарочек, кстати говоря). Тут они начали параллельное наступление на умы простых людей несколькими адскими колоннами – астрологической, алхимической, медицинской и др. Обо всем не скажешь, но кое-что и обойти нельзя.

Сначала профессора придумали Солнечную систему. Скромный в жизни и нескромный в суждениях каноник, профессор разных университетов, включая Римский и Краковский, Николай Коперник решил, что не Земля находится в центре мира (что совершенно очевидно простому доброму человеку), а обслуживающее Землю Солнце. Сам-то он якобы просто предположил, что так удобнее считать движения планет. И еще – каноник все-таки! – прикрылся утверждением, что так удобнее и точнее можно вычислить день Святой Пасхи. Доверчивая католическая церковь даже мысли не могла допустить, с какой провокацией имеет дело. Потом, правда, спохватилась и книгу Коперника осудила. Но поздно. (Вот православная церковь, кстати говоря, дело другое. Она университетов никаких не создавала и лишнего светского учения не одобряла, хорошо понимая его возможный вред.)

Но потом пришел профессор Галилей. Этого ничто не сдерживало, никаким каноником не был, рано прославился, зазнался, и его понесло. Он в трубку со шлифованными стеклами увидел спутники Юпитера и звезды Млечного пути. И поэтому решил, что Солнце в центре не для того, чтобы было удобнее считать день Пасхи, а на самом деле. По образцу Юпитера. Некоторые добрые люди сразу засомневались, не грешно ли смотреть в телескоп. Даже специальная кардинальская комиссия была создана. Но... на свою голову решили, что не грех это. Потом отрекся Галилей от своих молодецких суждений и жил под домашним арестом, но ересь его уже пошла вширь и вглубь. Особенно благодаря другому члену профессорской пайки Джордано Бруно, профессору Тулузского и Виттенбергского университетов. Этот был нескромным во всех отношениях, говорил о том, что солнце – это звезда,

каких множество, планет тоже ужасно много, что мир бесконечен и что чудеса Спасителя были мнимыми. Добрый человек Джованни Мочениго, будучи другом Бруно, не мог не позаботиться о его грешной душе и с тяжелым сердцем написал святой инквизиции «по долгу совести и по приказанию духовника» о том, что слышал от заблуждающегося друга. Церковь целых шесть лет душевно пыталась переубедить грешника, но бесполезно. Остался только костер, но это было уже слишком поздно. Ересь дожила до нашего времени.

Но с небом особенно не поэкспериментировать, только понаблюдать. А этого мало. Тут пришла на помощь алхимия. Особенно с XI века. Начала она наступление во главе с самим папой римским Сильвестром II. И, надо сказать, профессора теологии сперва тоже ничего плохого в ней не увидели – даже такие умники, как Альберт Великий и сам Фома Аквинский. Вот что значит – братство, сеть! Только в первой половине XIV века папа Иоанн XXII это дело запретил. Но, как всегда, с запозданием. Тот же Роджер Бэкон стал первым алхимиком. И пока писал трактаты об универсальном языке, придумал черный порох. Не останавливаясь на деталях и других профессорах, перейдем к профессору Парацельсу, который составил «Алхимический алфавит». Замечу сразу, что нельзя не упомянуть о профессорском кумовстве, потому что профессора друг за дружку хватились и во всем поддерживали. Гуманитары помогали естественникам. К тому времени (к концу XV века) профессора уже кучу разных текстов напереводали (мало им было Святой Библии), включая тексты языческого бога Гермеса Трисмегиста. Сами решили стать как боги. И почерпнули отсюда дикую идею касательно того, что человек (микрокосм) является точной копией вселенной (макркосма),

поэтому через понимание небесных сфер можно прийти к пониманию человека. На этой гнилой основе Роджер Бэкон продолжил Гроссетеста, а потом учение это и было доведено до совершенства Парацельсом. Этот особо вредный профессор (в своей гордыне назвавший сам себя «Парацельсом», т.е. тем, кто «превозмог Цельса») сжег «Канон» Авиценны (продемонстрировав тем самым, что европейцы уже твердо стали на ноги и могут обойтись без помощи Ислама) и начал учить, что человека, как и всю Вселенную, можно познавать не через Откровение, а через смешение и разделение вещества. Короче, оказалось, что человек – это простое химическое соединение. Тогда и с ним и с природой можно манипулировать как угодно и делать все, что захочешь. Растворь и сгущай, растворяй и сгущай, растворяй и сгущай – вот и получишь все, что пожелаешь. И пошли, и пошли... Напридумывали мензурок и колб, перегонных аппаратов, и т.п. Пятый элемент придумали и назвали его философским камнем. В общем, решили через колбы стать, как боги, бессмертными. (Православные люди, у которых профессоров не было, из этой древней мудрости самое главное освоили – перегонку, мудрствовать дальше не стали и на самогонной водочке остановились.)

Ну и медицинская колонна. Она тесно была связана и с астрологией, и с алхимией. Ринулись профессора-врачи прямо внутрь человека. Начали трупы резать. Церковь по первости возражала, но потом рукой махнула. Везалий, профессор Падуанского, Болонского и Пизанского университетов, младший современник Парацельса, но по духу очень ему сродный, это дело любил до самозабвения. В детстве он резал трупики мышей, кошек и собак, потом в молодости бегал на парижское Кладбище Невинных и выкапывал трупы (хотя сначала

у Бога прощения просил перед каждым трупоизучением, но бросить это дело не мог, втянулся и даже постепенно молиться перестал), а в Лувене с 1536 года начал публично препарировать трупы, причем специально подгадал к правосудию: лекции назначал ко времени казней. Преступника казнят, и тут же тепленькое еще тело к Везалию в анатомичку. Тут, правда, даже профессора не выдержали, и учитель Везалия профессор Сильвий объявил его «Везанус» – безумным. Это, кстати, говорит о том, что тогда у отдельных профессоров совесть еще не полностью отмерла. Но была уже на последнем издыхании. (Стоит сказать, что греки и римляне, врачи которых профессорами не были и совесть сохраняли, все-таки трупы людей резать в учебных целях не репались. Резали животных. Отсюда и некоторые небольшие ошибки в анатомических атласах Галена.) Стоит еще сказать, что пропагандировал труды профессора Везалия-Везания базельский профессор Опорин, издавая их большими тиражами. Так оно и шло.

В общем, в конце концов, согласно профессорам, оказалось, что человек – существо механическое, в котором почему-то случайно (именно случайно – так профессор Гейлинкс учил) оказалась немеханическая душа. Но в XVIII веке это недоразумение исправили: ученик профессора Бургава Ламетри, очень рвавшийся в профессора, но ставший под конец жизни шутом и умерший оттого, что объелся трюфелями, написал книгу «Человек – машина». На том основании, что сколько он людей ни резал, души не увидел, а бездушный человек – это машина. Эту идею потом развил сын профессора и сам профессор Карл Фохт, который написал, что «мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь, а почки – мочу». Вот они, настоящие эмпирические про-

фессорские мысли! Согласно Ивану Сергеевичу Тургеневу, наш русский Базаров научился всего этого и родил нигилизм. Бездуховное знание стало отрицанием знания. Но умникам невдомек. Уже раздухарились.

Параллельно с медиками профессора физики стали о мире писать как о простом механизме. Все появляется благодаря завихрениям, оно или притягивается, или отталкивается. Ни любви, ни вражды. Один прах. Пытались с ними лирики бороться, такие как Блэйк и Тютчев, но бесполезно против профессорской сети выступать. Блэйк писал, что призрак призрак любви обитает в ньютоновых пустотах между субстанциями творения, и что так называемые ученые в своей слепоте их не видят. А Тютчев говорил: «Не то, что мните вы, природа, / Не слепок, не бездушный лик. В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык». Но чего стоят эти отсталые суждения по сравнению с гимном Фохта мочетворным почкам?

Короче говоря, превратили профессора человека и природу в механизм, а потом и в окружающую среду и начали бесчинствовать.

Второе профессорское дитя – капитализм

Профессора интуитивно догадывались, что для их целей одной правильной (экспериментальной) науки мало. Нужно правильное соединение правильного общества и правильной науки – это такая гремучая смесь, которая в мириады раз сильнее любых коктейлей Молотова. И тогда они придумали капитализм – общество, основанное на разуме, а не на откровении.

Коротко история такая. В XIV веке был в Англии в Оксфорде профессор Джон Вилклиф. Отвлекаясь на секунду, нельзя не от-

метить, что простой народ своим люмпен-пролетарским нутром чуял будущий вред от профессоров, предвидел, что его ждет. Не случайно именно в середине XIV века, еще при жизни Виклифа, в 1355 году в День святой Схоластики, добрые люди, набравшись гадким, но крепким элем и поэтому поняв, что терпеть больше невозможно, зашли на территорию Оксфордского университета. Они убили 63 студентов – будущих профессоров, но ... не довели дела до конца, уже законченных профессоров не истребили. Университет выжил и продолжал свое черное дело. Так вот, был в Оксфорде профессор Виклиф. Занимался богословием, читал Библию. И дозанимался, подвинулся. Потому что это некоторым бесполезно, если не сказать больше. (У замечательного нашего писателя Николая Семеновича Лескова в диалоге один герой про другого героя заметил – «Библию начитавшись и через то расстроен.

– Вы говорите несообразное: Библия-книга божественная.

– Это точно так, только ее не всякому честь пристойно: в иночестве от нее страсть мечется, а у мирских людей ум мешается».)

Вот у Виклифа дух и помешался. Начал он критиковать церковь, сначала священников, потом епископов, потом архиепископов, потом кардиналов, а потом – страшно сказать! – самого Папу Римского. Как обычно все еретики, сначала ругал церковную администрацию, а потом пошел и по догматическому богословию. Заявил, что нет чистилища (понимал, видимо, зданием умом профессор Виклиф, что ему не очиститься), ругал индульгенции (у него, как я понимаю, денег было мало, обидно ему было, что солидные люди откупаются от своих грехов, а он, грешник, не может). Потом вообще пошел вразнос – начал переводить Библию на народный язык,

на английский, которого тогда еще толком-то не было, чтобы еще больше люмпенов смущать. (Серьезные люди на этом острове тогда говорили или на французском, или на латыни). Стал он учить, что церковь не нужна для общения человека с Богом. Каждый, кто попало, сам Библию почитает на своем родном языке и с Богом поговорит, так и спасется. И, наконец, таинства отрицал: нет истинной благодати ни в священстве, ни в покаянии, ни в конфирмации...

В общем, посеял на своем острове профессор Виклиф семена смуты, скептицизма и неверия. И быстро начали всходить пакостные ростки. Сначала в Англии. Но не одной же ей мучиться – перебросило эти семена на континент. Дело в том, что как на грех приехали в Англию послы из Чехии насчет одной королевской свадьбы. Делегация была большая. Делать им было нечего. Начали всякие досужие вымыслы слушать и, когда вернулись в свою Чехию, стали эти вымыслы своим соотечественникам рассказывать. И услышал их байки один профессор Пражского университета. Был этот профессор еще и деканом философского факультета. И звали его Ян Гус. (Стоит заметить, что пока профессоров не было, гуси Рим спасали, а тут даже они отступили и Европу не спасли). И начал Ян Гус умничать – реформировать правописание, опять же переводить Библию, чтобы она стала доступной простому народу. И – как же без этого?! – начал церковь критиковать... По тем же принципам, что и Виклиф – таинства, индульгенции, и др. А ведь того, например, профессор Гус не домыслил, что без индульгенций не было бы собора святого Петра.

Церковь тогда была относительно терпимая (только альбигойцев по приказу папы вырезали в начале XIII века и юг Франции обезлюдил, а так жили себе тихо и мирно,

не считая крестовых походов и мелких, но частых военных безобразий), но тут даже она рассердилась. В 1415 году по решению Констанцкого собора Виллиф и Гус были признаны еретиками, в результате чего профессор Гус был сожжен на костре живьем, а профессор Виллиф посмертно. По решению собора гнусные останки Виллифа были в 1428 году выкопаны и сожжены.

Но слишком поздно поняла церковь, что сжигать надо вовремя, лучше всего превентивно. Семена уже были посеяны. Профессор теологии Мартин Лютер триумфально продолжил то, что начали его поделники по сети. И Библию он перевел на немецкий, и в пять таинств из семи не верил (Слава Богу, хоть крещение и святое причастие не трогал), и считал, что монашество – жизнь в монастыре с постом и молитвой за всех христиан – вовсе не высший способ жизни человека в этом мире. Как всем известно, разум отменно глушит язык совести, потому что хитро-изворотливо умеет себя во всем оправдать. И нашлись умники-последователи Лютера, вроде Меланхтона (тожек хороший, кстати говоря, пример профессорского кумовства – Меланхтон мало того, что с Лютером являлся, так еще и был внучатым племянником известного профессора-гуманиста Иоганна Рейхлина, который и добыл своему младшему родственнику кафедру греческого языка). Профессора сначала монашеский идеал осудили в пользу обыденного, а потом оправдали ростовщичество. Дело в том, что в XIII веке, когда профессорство только начиналось, профессор Фома из Аквино еще называл ростовщичество постыдным, позорным делом, и могучей логикой обосновывал этот свой взгляд. Но вот что делает время: за какие-то два с половиной века разладились профессора основатель-

но. И получалось, согласно профессорам XVI века, что каждый может спастись сам по себе, каждый в своем болотце. Везет тебе в твоей области с твоей профессией (хоть золотарь) – и спасешься. И начали спасаться, купаясь в деньгах. Вот и появились потом уверенные в своем спасении короли нефтяные, обувные, угольные, тряпичные, кукольные, автомобильные, кокакольные, фастфудные и проч. На церковь уже оборачиваться никто не стал, как она ни старалась. Но, и то сказать, инквизиторы тоже люди, и тоже среди них были профессора, а это конечно, ее напор сильно ослабляло, несмотря на все усилия добрых иезуитов. (Но и тут нельзя не сказать – иезуиты – они иезуиты и есть: с одной стороны, они пытались известить профессорскую ересь, а с другой – строили университеты, в которых образовывали новых профессоров).

Короче, обосновали профессора начала такого общества, где каждый сам за себя, и люди – как атомы, случайно соединенные по необходимости в группы (это в корне противоречит тому, что е. церковь – экклесия, община). Потом они обосновали пользу ростовщичества, т.е. права отдавать деньги под процент, получая не заработанное. Потом заявили свое право не исповедоваться (чтобы о грехах каждую неделю не думать). И, наконец, объявили о своем праве спасать душу свою грешную в миру, занимаясь своим мирским делом (а не в монастыре, как оно бы надо)... Так, из ересей профессорских и вырос современный капитализм. И начал эксплуатировать экспериментальную науку в профессорских интересах.

Чтобы добрые люди это не сразу поняли, им с профессорского стола начали, как собачкам, кидать косточки, которые у профессоров от экспериментов оставались.

Но это бы еще полбеда.

Третье профессорское дитя – совершенствование человека и мира

Настоящая беда, ягоды начались, когда профессора наряду с другими только им понятными задачами всерьез решили, что и природу, и человека нужно усовершенствовать. В том смысле, что Бог все сделал шпалей-валяй, а умники сделают все качественно. Уже занимаясь алхимией, профессора вошли в раж и решили, что смогут все вокруг сделать совершенным – гладким и круглым.

А чтобы никто не возражал, они еще в 1706 г. сделали звание профессора титулом и несколько таких идей кинули в сознание европейского человечества, что задурили добрых людей окончательно. Сначала профессор Кенигсбергского университета Иммануил Кант перевернул галактику. Он сказал, что галактика в его голове, потому что там же, у него в голове, пространство и время. А кроме его головы пространства и времени нигде нет. Короче, придумывай все, что хочешь, истины все равно снаружи человека не существует. Одна окружающая среда, с которой можно делать все, что угодно. Потом профессор Казанского университета Николай Иванович Лобачевский сочинил такую геометрию, которую и вообразить нельзя. И тоже все поверили. Вслед за ним геттингенские профессора Гаусс и Риман убеждают общество в том, что человек, как Бог, может придумать любое пространство. (Интересно вот что: был еще один математик, Янош Бойян, который занимался неевклидовой геометрией. Но он был офицером. И к концу жизни сошел с ума. А профессоров Бог как-то хранит на наше несчастье.) Профессор грацкого университета Вегенер придумал, что

материки плавают, как пенки на молоке. Замечательно, Африка обиделась на Америку и поплыла на восток. Я уже не говорю про принстонского профессора Альберта Эйнштейна с его глупостями насчет времени. Ему даже Нобелевскую премию сами профессора не решились дать, настолько все столбенели от того, что он там напридумывал. Потом, правда, решились. А черные дыры? В общем профессора, которые не умеют на завтра погоду правильно предсказать, сочиняли всякое, чтобы простой добрый человек уже ничему не удивлялся и чему угодно верил. Например, тому, что профессора живут в башне из слоновой кости и им до людей дела нет. На самом деле и башни такой нет, и есть дело, да еще какое, – они людей для экспериментов используют. Из любопытства.

Был один честный оксфордский профессор математики – Чарльз Лютвидж Доджсон, так он честно и написал сказки про Алису и ни за какую истину это не выдавал. Но он так и остался исключением.

А мозги задузив, профессора-таки начали дело по совершенствованию человека и мира. Сама-то идея создания совершенного человека восходит еще к алхимии. Профессор университета в Монпелье Арнальдус де Вильянова в самом начале XIV века создал первого человечка, гомункулюса. Кстати говоря, придумал он этого человечка, занимаясь ядами и этих ядов, по-видимому, сверх меры надышавшись. Потом пресловутый Парацельс описал, как можно создать человечка из спермы путем помещения ее в колбу, которую нужно греть 40 дней, потом добавить человеческой крови и держать при температуре лошадиных внутренностей еще 40 дней и при этом магнетизировать... Появившийся мелкий, но шибко умный человечек бу-

дет знать тайны бытия. Можно для тех же целей использовать яйцо черной курицы с соответствующими манипуляциями. Как хотелось бы вместо нынешнего несовершенного человечества заселить землю толпой маленьких ушлых человечков! Но рецепты рецептами, а человечки как-то не появлялись. По-видимому, зная тайны бытия и помня о наличии профессоров, они не хотели делать то, что завещано было людям – плодиться и размножаться.

Но профессора на этом не остановились.

Добрые люди, не профессора, хотели совершенствовать общество, а не лезть внутрь человека, потому что понимали, что если общество будет хорошим, то и живущие в нем будут хорошими – зачем им друг на друга злиться, если все хорошие? И нечего в кишках копаться. И вообще добрые люди уже давно предчувствовали, что если профессора за совершенствование человека возьмутся, беды не миновать. Тем более, что христианство уже полтора тысячелетия говорило о грядущем Страшном Суде. И видя бесчинства профессоров, попытались повернуть ход истории – начали писать ненаучные утопии. Больше всех прославились два Томаса (один Мор, англичанин, который жил, как монах в миру, но плохо кончил, и один итальянец, Кампанелла, который жил плохо, но кончил хорошо) – они написали, как надо жить хорошо. Социалистически хорошо: петь хором, водить хороводы; нежно любить того, кого сверху назначают; работать в охотку (но подконтрольно, конечно, не без надсмотрщиков-сифогрантов, которые следят, чтобы никто без дела не сидел), и, главное, все за любого человека мудрые люди решают, чтобы никто по своему глупому разумению не жил. В общем, – благодать. Подражателей у них нашлось много, но все больше болтунов, а реально только

отцы иезуиты им вняли и государство подобное построили в Парагвае. Да так хорошо, что оно существовало полторы сотни лет. И индейцы-гуарани были счастливы. Много-много таких проектов было, чтобы от профессорского прогресса уйти и людей осчастливить. И Маркс профессором не был. А сколько счастья принес... Мы в России тоже попытались свой утопический проект по Марксу создать и даже котлован успели вырыть и всех мешавших похоронить, но на этом изнемогли. Так что, несмотря на всю мощь утопического движения, к полному счастью оно не привело. Профессорская шайка оказалась сильнее.

Профессора, в отличие от утопистов, двигались и двигаются по другой логике: они считают, что нужно человека сделать совершенным, и тогда из совершенных элементов сделанное, и общество станет совершенным. Правда, если великие писатели вроде Достоевского и Толстого полагали, что человека нужно совершенствовать, начиная с души, то профессора, как, например, упомянутый выше Бургава, знали, что? когда человека режешь, душу в нем не найти, и поэтому совершенствовать нужно тело.

И они придумали генетику. Причем, взять того же монаха Грегора Менделя. Он подделал себе опыты на горохе, так из любопытства. Напечатал об этом. Потом попробовал на ястребинке. Не получилось. И тогда стал он настоятелем монастыря и большого вреда человечеству не принес. Но через тридцать лет за это дело взялись профессора – де Фриз, профессор Амстердамского университета, профессор Колумбийского университета Морган, профессор Фрайбургского университета Август Вейсман и другие. Вот тут-то оно и пошло. Начали виды совершенствовать, докатились до геной инженерии...

Другой путь реализовывал у нас в России, а потом в Париже профессор Новороссийского университета Илья Ильич Мечников, который решил усовершенствовать человека, отрезая от него ненужное. Он насчитал несколько десятков несовершенств, начиная с аппендикса и кончая рудиментарными мышцами, которые бестолку болтаются в ушных раковинах. Попутно из любопытства заражал обезьян сифилисом.

Под влиянием феминизма начали совершенствовать человека с половой стороны. С 30-го года прошлого века, когда Эйнар Веджинер стал Лили Эльбэ, начали менять пол. Мужчины стали превращаться в женщин и рожать и потом опять становиться мужчинами. И наоборот. Недалеко то время, когда люди смогут оплодотворять сами себя. Эта перспектива не может не вдохновлять.

(Кстати говоря, английские рыбы под влияние человека начали менять пол. Считается, это связано с тем, что в реки попадают женские противозачаточные таблетки.)

Сейчас профессора начали клонировать. Скоро будут выводить таких людей, у которых ни своих мыслей, ни своих болезней. Потому что они должны повторять своих доноров. Сначала просто повторять, а потом они будут становиться все совершенней. С точки зрения профессоров, конечно. Правда, тут пока со скрипом идет и со скандалами – известный профессор Сельского национального университета У Сок Хван, который богатым тетям возвращал умерших собак в виде клонов, уволен за фальсификации. Параллельно Крейг Вентер, замечательное соединение профессора и миллиардера, уже возглавил работу по созданию совершенных организмов...

В общем, не истребив профессоров, добрые люди создали ситуацию, при которой клоны идут замещать нас на малюсенькой земле неизбежно и неистребимо, как саран-

ча новой формации. И роботы тоже скоро станут лучше людей, поймут это и тоже обнаружат, что нет смысла делить с нами землю.

В то же время профессора начали совершенствовать природу. Этим-то люди и раньше занимались – болота осушали, каналы рыли, леса жгли и землю пахали. Но тут по науке землей занялись – начали реки поворачивать, искусственные моря делать. Искусственные водохранилища оказались очень хороши для ядовитых синезеленых водорослей, с которых началась жизнь на земле. (К ним мы и возвращаемся. В смысле – к началу.) Профессор Санкт-Петербургского университета Василий Васильевич Докучаев предлагал преобразовать степную зону земли в субтропическую. И на примере Каменной степи это продемонстрировал. Его ученик, профессор того же университета Владимир Иванович Вернадский пошел еще дальше, предлагая управление землей отдать некоей ноосфере – сфере разума. И если это получится, то человек как существо заведомо неразумное должен уйти. Но это перспектива далекая, а пока нас профессорская химия одолела: мы химией дышим, мы ее едим, пьем, мы ею постепенно замещаемся. Совершенствуемся и с этой стороны.

Продолжать невозможно: несовершенное сердце сжимается от боли и стыда. Действительно, футуришок...

В общем, если профессора продолжат свои игры, земля станет круглой и гладкой, и человек будет по ней кататься шариком-андрогином между клонами и роботами, пока не отравится окончательно синезелеными водорослями.

Как говорила одна добрая женщина: конечно, по-человечески профессоров жалко, но если вспомнить, что они атомную бомбу изобрели, то надо бы из человеколюбия с лица земли этот позор стереть.